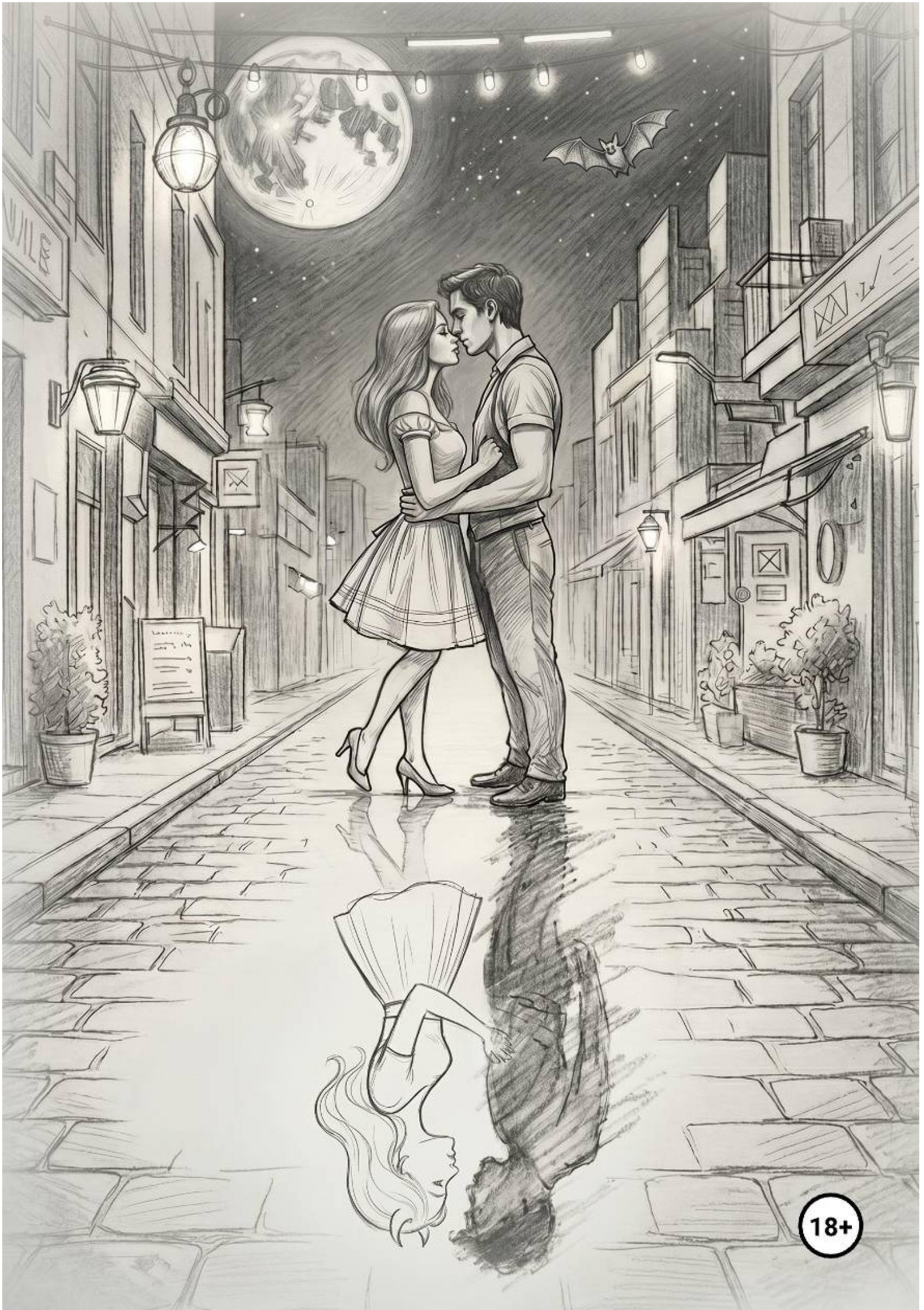
18+

Роман Яблочников

Поцелуй меня, пока мы не сгорели

«Автор»
2026

Яблочников Р.

Поцелуй меня, пока мы не сгорели / Р. Яблочников — «Автор», 2026

Наш герой случайно или специально взывает к силам ада, желая изменить свою жизнь. Но на его зов откликается совсем не то существо, что он желал, — суккуб.Когда-то она была человеком, её жизнь оборвалась очень рано, но она успела заработать своё место в аду. Её истязали и мучали, она не выдержала адских мучений и переродилась в суккуба. Теперь её призвание — искушать, отравлять души и склонять людей к пороку.Однажды зашедший в её сети Роман кажется подходящей жертвой. Вот только Катя ещё не знает, что в попытке сжечь чей-то мир главное — не оказаться окружённой пламенем.За развитием истории наблюдает адский писарь, от него мы и узнаем все мрачные, странные и иногда грязные моменты этой истории.

© Яблочников Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Знакомство 5
Начало конца 7
Тяжелое утро. Тяжелый день. Тяжелые мысли 10
Парк культуры, отдыха, и не только 15
Голая философия и психология 19
Всего лишь поездка 21
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Роман Яблочников
Поцелуй меня, пока мы не сгорели

Знакомство

Доброго времени суток, дорогой друг. Меня зовут Лукиан, так уж вышло, что я являюсь адским писарем, и всё, что происходит со слугами ада, так или иначе мне известно. Я вижу каждую историю, и записываю, это мой ад — быть всегда свидетелем и никогда участником. С другой стороны, возможно, мои истории читаешь ты, по своей воле ты это делаешь или это твоё наказание, мне неизвестно, но я благодарен тебе, ведь факт твоего существования делает мои муки не бесполезными.

Заранее хочу предупредить, что не стоит искать злодея или героя истории. Демон — он не бывает злым, как ангел не бывает добрым. Ангел и демон — лишь разные воплощения души. Понимаю, сложно это осознать. Объясню на простом примере: вода может быть, как льдом, так и паром. Как лёд может лишь охлаждать обычную воду, а пар нагреть, так и ангелы с демонами могут лишь склонять обычные души на свою сторону.

Сегодняшняя история о молодой девушке, хотя все мы тут молоды и здоровы, для вечных мучений нам даны вечные тела. К слову, мучают тебя из-за твоей тяги к так называемому «добру», удаляют из тебя деформации души и очищают её от «побочных эффектов», полученных на земле, если это возможно. Очищенную душу отправляют к нашим вечным визави. Но та, о ком пойдёт речь, не выдержала своих мучений и переродилась как суккуб, проводница наслаждений и вечная пленница порока. Не помня своего прошлого, она берёт новое имя, простое и бесхитростное, — Катя.

Теперь она на службе ада, на земле, ведёт свою тихую войну. Работа в кофейне — идеальное прикрытие: здесь её яд распространить просто. Пригубив любой напиток из её рук, люди спешат заниматься отнюдь не благими делами. Но она молода и неопытна, она лишь постигает искусство порчи сердец и не понимает, что капля яда, отравляющая душу одного, превращается в неуправляемый поток в сердце того, кто жаждет утопить свою жизнь и лишь ищет нужный океан.

Сегодня в кофейне новое лицо: длинные волосы, щетина, очки — типичный работник ИТ-индустрии, коих немало развелось. По его худощавому телосложению можно понять, что работает не на дому. Его заказ — «американо с перцем» — приходится по вкусу нашей героине: столь яркая горечь во вкусе явно несёт в себе горечь души, возможно, хотя и не точно, стоящей на краю гибели.

Катя с неизменной улыбкой добавляет в чашу с чёрной жидкостью свой яд. Всего одна капля, и весь кошмар души, как переполненный сосуд, разольётся и заполнит разум невинного парня. Заказ отдан. Ещё одна душа в её руках.

Но как же она ошиблась, ведь океан той горести, что она хотела излить, лишь закрывал пропасть, копившую желания грехопадения, и теперь океан бушует, плещется и понемногу освобождает потаённое на глубине.

Наш парень по имени Роман — из тех, кто родился с меткого хорошего человека. Он с детства выражал лишь добро и жил с «открытой душой», если можно так это описать. Но доброта никогда не существует без зла. И свет всегда порождает тень.

Год за годом будущая жертва приспешницы ада держалась, творила добро, получая в ответ лишь вытирание об себя ног. Но Рома продолжал нести добро. Такие, как он, не ищут добра в ответ. Он всё прошёл, всё превозмог, встретил прекрасную девушку, и любовь кружила его голову.

Но эта девушка была испорчена грехом похоти. Но, как я ранее говорил, она всего лишь жертва обстоятельств, не спешите её обвинять. Скажем честно, не лучшая пара нашему парню. Но это же «любовь», любовь всё исправит. Ха, самим смешно, да?!

Роман тоже думал, что его доброта способна одолеть порочность. Думал в начале отношений, думал, когда простил первую измену, вторую, седьмую. Однажды он подумал: «Может, она так себя ведёт, потому что думает, что я несерьёзно к ней отношусь? Наверное, стоит сделать следующий шаг, да, наверняка».

Ох, какая же глупая идея — идея жениться на этой особе. Впрочем, она сама понимала, что идея глупа, и после её «нет» в его доброте наконец появились трещины.

Одно «нет» — и рушатся воздушные замки. «Нет» — и тихая гавань души заливается холодным дождём. «Нет» — и ужасный тёмный дух, спавший и подпитывавшийся всем плохим, что было в жизни парня, открыл глаза, и мир Романа был навсегда изменён. Да и без непосредственного вмешательства ада люди способны пасть во тьму.

Но забудем прошлое и вернемся в настоящее. Теперь по венам парня растекается яд суккуба, и идея продать душу Дьяволу, казавшаяся ещё вчера шуткой, всерьёз поселилась в его голове. Люди замечательные существа, и чем умнее и настойчивее человек, тем большего может достичь, будь то добрые дела или не очень. Горе от ума? Не правильное выражение, но примерно описывает ситуацию, когда твоим попутчиком в падении в пучину ада становится прекрасные умственные способности. Широкий ум и настойчивые желания не лучшие попутчики. Интернет, пара старых книг, отсеивание откровенной глупости и вот, похоже нужный ритуал найден. Сказать по правде ритуалы — это выдумка, лишь возможность для недалеких нацелить свои мысли и желание в нужное русло, и конечно же у нашего Романа желания и уверенности было в достатке.

Но как бы его подсознание, заполненное порочными мыслями о той бариста, не сыграло с ним злую шутку. Свечи, заклинание, ритуал свершён. Чтож, остается ждать.

Начало конца

Утро. Роман проснулся в постели, всё тело как после аварии. Опять это чувство — будто не спал ни минуты. Почему так? Потому что ночью снова снился какой-то бред.

— К снам с убийствами я, кажется, уже привык. Но это было что-то новенькое. Ритуал какой-то, готичная девушка... какие-то непонятные письмена, особенно эта строка: «влага» рядом с «демон» — получается, «влажный демон». Ну да, реально смешно.

Надеюсь, больше таких снов не будет — уж лучше вообще никаких. И как же я хочу спать.

Он всё ещё не подозревал, что эта ночь была лишь началом не только его пути, но и ударом по одному горячему слуге ада. Он встал с кровати: за окном ещё ночь, часа четыре утра, — холод и тишина, всё как он любит. На стуле висела его одежда сдержанного тёмного стиля; выбивались лишь носки с разноцветными рисунками — при его мрачном виде они смотрелись как памятник абстракционизму в виде сталинской высотки в разрушенном войной Берлине.

Роман прошёл в ванную и подошёл к зеркалу. Шрам на груди напомнил ему об ошибке, совсем недавней, но уже исчерпавшей себя. Многие задавались вопросом о появлении этого шрама, но ответ до ужаса банален: это была введённая татуировка с её именем. Жаль, что память лазером не сведёшь.

— Жарко, нужен душ и бокал тоника.

— Ах да, озвучиваю мысли сам себе, молодец.

Он умылся, поднял голову и отшатнулся. Что это?! Что он видит в зеркале? Девушка, чем-то напоминающая ту бариста: малахитовые глаза, эти нежные губы, но её кожа алая, как кровь, и голову венчают маленькие рожки. Это может свести с ума. И почему, почему она в одном нижнем белье?

— Если я всё ещё сплю, то, пожалуйста, мозг, бельё хотя бы убирай.

Он закрыл глаза, глубоко вдохнул и открыл их снова — и всё исчезло.

— Что это было? Я всю жизнь сумасшедший, но это что-то новое... Хотя вроде бы таблетки, которые я пью уже пару месяцев, должны меня стабилизировать. И ещё — почему это вызывает во мне столько противоречивых мыслей? Похоже, к тонику стоит добавить джина.

Но он не станет пить алкоголь: не хочет к демонам настоящего добавлять призраков прошлого. Душ, пара таблеток крепкого успокоительного — и вот он в норме, опять такой, как все. Стоит попробовать ещё поспать.

В это время Катя готовилась ко сну. Да, и демонам необходим отдых. Она меняла нижнее бельё у зеркала, планируя новый день — и как, и кого ей стоит соблазнять, — как вдруг увидела в зеркале его.

— Что!? Это я сделала, что ли? И как это вышло?

Взмах рукой — зеркало вернулось в норму.

— Так, окей, сон откладывается, что-то странное происходит... Это я опять косячу? Нихрена не помню, как пользоваться магией зеркал. Когда-нибудь я заведу инструкцию, чтоб не позориться перед собственным отражением... Или дело в этом парне? Впрочем, не будет ошибкой лично проследить за парнем. Яд, по-видимому, на него плохо подействовал — раз он один и дома, что-то тут не так. Видимо, стоит добавить огня в его ночь самостоятельно.

Вернёмся к Роману. Скоро утро — в окне виднеются едва заметные проблески зари, но красоту этого утра вскоре сменит иная красота, и чтобы её увидеть, не придётся даже вставать с кровати.

Сейчас его мысли о другом. Что не так? Таблетки отпустили, так быстро, и весь мысленный поток, раньше сдерживаемый платиной из препарата, заполняет его глубокий внутренний мир.

Что со мной не так? Почему мне снится такой ужас? Почему я не могу просто выспаться? И теперь ещё галлюцинации в зеркале… да когда же это прекратится! Хотя я бы не сказал, что галлюцинации были ужасны. При всём прочем, она была мила — ну, для девушки с рогами и красной кожей.

Он закрыл глаза. Во тьме собственных мыслей он видит силуэт — ничего не понятно, но вот картинка становится чёткой: это опять она, невероятно красивая в своём адском обличии — гладкая красная кожа, аккуратные, упругие бёдра и завораживающие глаза, глаза, наполненные сиянием изумрудной звезды.

— Кто же она, и почему она не выходит из моей головы? Нет, вопрос — как она может мне нравиться? Это не похоже на меня… Впрочем, всего лишь выдуманный образ! Да, сто процентов! Дожил — уже разговариваю сам с собой. Таблетки нельзя ещё несколько часов. Впрочем, лучше уж выпью — надо постараться заснуть.

Пока он размышлял, силуэт поглотила тьма его мыслей.

— Безумец, просто безумец.

Он всё же решил попробовать дальше поспать. Всё равно выходной, на работу можно не идти, хотя обычно Роман работает и в выходные. Но он не понимал, что её яд медленно растекался по его венам, заставляя его давно «мёртвое» сердце биться живее всех живых, запуская проржавевший механизм глубоких эмоций.

Пробуем спать. Он лёг — таблетки позволяют быстро уснуть; на это и была его надежда. Но наш суккуб никак не выходила из его головы: кто она, и почему она вызывает у него столь неоднозначные чувства? Ранее во влечении к адским созданиям замечен не был, да и вообще к фэнтезийным существам.

Когда таблетки заблокировали поток мыслей, он погрузился в сон. Его сны всегда были чёткими — в этом и проблема, — и этот не стал исключением. Но что это? Почему стало тяжелее дышать? Сон пропадает, он открывает глаза — и…!? Не может быть… это… это... Это она! Сидит на нём, в нижнем белье!? Психоз!?

— Что за странный сон?

— Сон? — Она усмехнулась. — Ты полагаешь, это сон? Что ты тогда на это скажешь?

С этими словами её зубы впились ему в грудь.

Боже, как больно! Он вскрикнул.

— А теперь? Всё ещё сон?

— Да, безумный, как всегда.

Пока он говорил, он рывком перевернул её и оказался сверху. Продолжил:

— Ты кто, что тебе надо? И да, у меня бывают сны и похуже.

— Да ладно, раз уж это сон, давай повеселимся.

— Ты демон!? Боже, не верю, что это говорю... Демон! В нижнем белье! И с чего ты взяла, что я хочу с тобой "повеселиться"!?

— Ты говоришь "нет", но твоё тело говорит иное.

Она распрямила ноги и сжала их на его спине. Не почувствовав сопротивления, сильнее свела бёдра — давление стало почти болезненным. Он почувствовал, как её пальцы медленно, намеренно медленно сползают по его спине. Это, несомненно, возбуждало, но он всё ещё мог сохранять холодный разум. Ноготочки сначала просто скользили по коже, но в следующее мгновение начали вонзаться — не резко, а постепенно, будто она хотела, чтобы он прочувствовал каждый миллиметр.

Роман попытался отбросить лишние мысли и оторваться от неё, попробовал приподняться. Она тут же вцепилась сильнее, и ногти глубоко, почти до крови, прошли вниз по лопаткам. Горячие, жгучие, алые полосы остались за ними.

Демон вновь приподнялась к его лицу, вдавливая ногти в спину. Её дыхание касалось его холодного тела и будто обжигало шею. Неожиданно её зубы сомкнулись на коже — уже

не игриво, а всерьёз. Она укусила его в точку между шеей и плечом, и он резко выдохнул. Боль пробежала по телу, но реакция организма не заставила себя ждать: возбуждение скакнуло выше, укрепив его желание, и она это прекрасно чувствовала. Суккуб не размыкала челюсть, а держала, немного усиливая нажим, пока он не попытался её оттолкнуть. Только тогда она отпустила кожу, но тут же провела языком по следу от зубов — будто прося прощения. В тот же момент её ногти вновь скользнули по спине вниз.

Снова ногти впились в кожу. Она смотрела ему в глаза и ждала реакции. Реакция была сдержанной, и тогда она вновь повела пальцами вверх по коже, скрестила руки на спине, — и снова укол, и резкое движение вниз по лопаткам. Её бёдра сжимались ритмично, в такт тому, как она царапала его спину.

Роман пытался взять инициативу, разобраться в ситуации, но в ответ получал зубы на шее, ключице, груди. Она продолжала смотреть ему в глаза — отсутствие яркой отдачи как будто выводило её, читалась почти нужда в ответных мерах. Ей нужно было не просто восторжествовать — она хотела, чтобы он выпустил на неё всю ярость и боль, что она ему вливала.

Поймав небольшой момент её замешательства, Роман сбрасывает её руки и прижимает её к кровати, продолжая пытаться сдержать свои желания. Но её яд — он уже достиг сердца и бурлит в нём, волна за волной накачивая его токсином, и этот прилив уже было не остановить.

Он смотрит на неё, тонет в малахитовом море её глаз. Капелька пота стекает с края её носа, по щеке и вниз, капает на подушку. Когда капля разбивается о ткань, он немного приходит в себя.

— Ты…

— Я.

— Ты очень красивая.

— Похоже, я переборщила с дозой…

— Что?

— Что?

Она тянется к нему в попытке укусить его ещё раз, но встречает отпор. Он прижимает её обратно к кровати, пытаясь остановить, но тут к нему приходит осознание:

— А к чёрту.

Он целует её. Целует так, как никто никогда, и страсть вспыхивает адским пламенем в их глазах. Этот поцелуй разливает лаву по их венам.

Его следующая цель — её шея, прекрасная шея в нескольких сантиметрах от его губ. Ещё мгновение — и на шее красуется засос; она слегка постанывает и сжимает бёдра на нём, приподнимаясь к нему и дразня. Он отпускает её руки — и ногти тут же возвращаются в его спину.

Теперь его руки свободны: одной он упирается в кровать, второй сжимает её бедро в такт своим поцелуям.

Больше нет ни заблудшей души человека, ни сумасбродного демона. Есть только их общее я — я, которое готово взорваться.

Тяжелое утро. Тяжелый день. Тяжелые мысли

Утро. Роман открыл глаза: его тёмные шторы скрывали свет солнца и внешний мир. Жаль, нет штор, чтобы скрыть внутренний. Мятые, влажные простыни. Боль в мышцах.

— Какая странная ночь! Этот сон. Эта женщина... нет, девушка… хотя опять нет — эта сущность, отражение моих внутренних демонов. Или это просто я так соскучился по женскому телу? Всё невероятно странно!

Он закрыл глаза. Воспоминания о ночи нахлынули, как лавовый поток, сжигая его изнутри. Воспоминания были столь явными, что он вновь почувствовал себя в её объятиях.

— Всё хуже, чем я думал. Нужно сходить к врачу: таблетки либо не действуют, либо действуют слишком хорошо. С другой стороны, я столько раз усыплял своих демонов — неудивительно, что один из них решил показаться лично. Ха, ну и глупости. Последствие отсутствия секса, точно — не более. Встаю и иду на работу. Не в моих правилах опаздывать, я и так последнее время хуже справляюсь. Устал. Просто устал.

Ох, вполне понятны его мысли: рациональность — вот то, что помогло ему пережить все невзгоды в жизни. И сейчас он всё ещё старается оставаться прагматиком, несмотря на внутреннего демона, пытающегося взять его под контроль… Но об этом поговорим позже. Отправимся несколькими слоями мироздания ниже.

Утро в аду, если это вообще можно назвать утром. Она не спала: после возвращения не смогла закрыть глаза. Её мысли были заняты произошедшим — Катя проиграла. Проиграла обычному смертному в игре, где правила диктует она. Ох, эта ущемлённая гордость теперь будет съедать её изнутри.

— Что? Почему? Как? Что произошло? Я… я пришла к нему, я пришла соблазнять — и я соблазнила, да, он точно был в моей власти, я накачала его ядом с окситоцином, такой коктейль должен был затмить его разум… но что пошло не так? Почему я позволила ему быть таким хорошим? Я не должна была этого делать, но он был так нежен и в то же время груб… что же я сделала? И теперь главный вопрос: как мне повторить это? Я должна вернуть ситуацию в свои руки.

Перед работой Роман выпивает кофе и глотает пару таблеток. Но вот ошибка: таблетки, столько раз спасавшие его от ненужных мыслей, теперь лишь очищают разум, давая свободу воспоминаниям о ночи. Ох, разум человека — такая загадка. То, что ещё недавно казалось психозом, обретает новые краски, и ночная картина вновь всплывает перед глазами.

Он — над ней, их тела покрыты потом. Говорит ей, что никогда не встречал такой красоты. Катя лишь улыбается — его слова пропадают в бездне её тёмного, безразличного сердца. Она знает: в нём сейчас говорит её яд. Она много раз слышала всё это, ей не интересен смысл его слов — её цель всегда была грехопадение невинной души. И она продолжает извиваться под ним, продолжает всем своим видом зазывать его.

Его поцелуи растекаются по её шее, по ключице и ниже. Вот он над её прекрасным животиком, целует его жадно, боясь пропустить хоть один кусочек. Она наслаждается — но что это? Это не по плану. Ведь грех заключается в получении удовольствия, а не в доставлении. Это она должна быть ведущей, а не ведомой.

Но всё затянулось. Он ласкает её нежно, не спеша переходить к активным действиям. Так пролетает пара часов. Стоп. Яд — столь сильный яд — довольно быстро расходуется, и вскоре она понимает: яд давно иссяк. Всё это делает он, по собственной воле.

— Стой, подожди, что? Нет...

Он целует её трусики, чувствует, как она дрожит.

— Что?

Она — постанывая, её мысли противоречат словам:

— Нет, так не должно быть, нет... продолжай, не слушай меня...

Он немного спускает её трусики, оголяя низ живота, и вот краешек его языка скользит по коже всё ниже и ниже, чувствуя отклик от её кожи, вздрагивающей при каждом касании.

Вот она, точка невозврата: демон не просто получает удовольствие, но и не доставляет его. Как такое возможно? Она в растерянности. Ни одна мысль не может удержаться у неё в голове — ей хорошо, ей действительно хорошо. Не из-за получаемого удовольствия, ей хорошо с ним. И вот, в её пустом чёрном сердце рождается искра — желание жить, вера в нечто давно забытое.

Что ж, ночь полна сюрпризов, и для них она только начинается.

Вот он добрался до самого низа: трусики приспущены и всё ещё закрывают его цель, казалось бы, но он целует поверх ткани и повторяет свой путь в обратную сторону — целует живот, открытую часть лифчика, ключицу, шею, и вот он замирает над ней.

Она, смущённая всей ситуацией:

— Ты... ты... хочешь меня?

— Да, это бесспорно, но мне интересно, чего хочешь ты?

— Сейчас... я... я не знаю, никогда не задавалась этим вопросом. Мне очень нравится то, что происходило.

— Что ж...

Он целует её в засос, так страстно, будто от этого поцелуя зависит его жизнь; опирается левой рукой над её головой, правая рука опускается на её бедро и плавно скользит вверх, по внутренней стороне бёдра, и ложится между ног. В этот момент она прекращает поцелуй и слегка постанывает, выдыхая. Смотрит в его глаза, ожидая продолжения — небольшая искра в малахите её глаз начинает разгораться.

Он слегка разводит пальцы и проводит тремя по краям и середине трусиков. Она постанывает — он повторяет, ему нравятся те звуки, что она издаёт. Всего пара касаний — и её стоны становятся громче; симфония, которую не напишет ни один композитор, симфония, которую не каждому дано сыграть. Немного прибавив давления, он начинает двигать пальцами в разных направлениях, целует её в очередной раз и продолжает ускоряться, меняя темп и силу движений своих пальцев. И в то же время наводит "бардак" своим языком у неё во рту, двигаясь в такт музыке её стонов.

Он открыл глаза. Воспоминания отступили, действие таблеток прекратилось, эмоции настоящего скрыли призраков прошлого.

— Так всё-таки, неужели это всё лишь сон? Но откуда тогда все эти следы на теле? Это я сам себе нанёс?! Надо идти, работа... работа не ждёт.

В это время Катя в аду продолжает лежать и никак не хочет расставаться с неким чувством прекрасного. Но, скажем честно, она просто пытается заняться сама с собой «непотребством».

— Как он там, как он делал... Это было необычно. И почему у меня самой не выходит? Почему я вообще об этом думаю? Я не должна испытывать такого, я не для этого существую, у меня нет ни эмоций, ни чувств... Так что же тогда я делаю?

Её тело немного побаливало, а его запах на её нижнем белье продолжал сбивать её с толку — и бельё отправилось в печь. Она идёт в душ: её прекрасному телу, бёдрам, ногам — всему требовался отдых, но в её распоряжении был лишь десятиминутный душ, и всё.

Да-да, и мы тут таким занимаемся — хотя, возможно, это всего лишь часть ритуалов, перекачанных из мира людей; что-то, что так прижилось, что даже потеря памяти не может это стереть. Обжигающий душ немного снимает напряжение. Будь она обычной смертной — эйфория, захватившая бы её тело, была бы прекрасным дополнением, но для неё это была проблема. Впрочем, эта проблема постепенно растворяется в суматохе дня.

Вот она стоит у зеркала, расчёсывает волосы и смотрит на своё отражение. Моргнула — и вдруг зеркало показывает Романа на работе, а ему — её, растрёпанную, голую и, несомненно, потерянную.

— Что?.. Я же не могла случайно это сделать?

— Что?

— Ты меня видишь?

— Я сплю?

Взмах рукой — связь разорвана. Катя опирается на раковину, глубоко выдыхает:

— Б…ть! Если кто узнает, будет не очень хорошо... Как я вообще смогла это сделать? Никогда не была хорошей ученицей, а то "скоростное обучение", что мне дали, и учебой-то не назовёшь. Но я уверена, что это какая-то версия навязчивого состояния для сведения людей с ума. Ну ладно, вышло случайно — постараемся больше так не делать.

Она надела новое бельё, поверх — клетчатую юбочку и топ. И, как всегда, забыла фартук… Ничего, на месте есть запасной.

Кофейня. Всё, как всегда. Здесь много постоянных посетителей. Несмотря на то что выглядят они счастливо, большинство из них уже затронуто её порчей. Здесь они не подают виду, но давно отвернулись от света и посвятили себя тьме. Здесь они только за новой порцией яда — ведь только с ней можно придумать всё более глубокие уровни падения души; сладострастие каждый следующий раз требует большего. Их вид, играющих роль «нормальных», всегда радовал Катю, но сегодня всё совсем не как обычно. Надо держаться, продолжать свой крестовый поход. В конце концов, она не делает ничего плохого — она делает людей свободными. Но с древнейших времён человечества свободные люди считаются чем-то плохим. Что ж, для сегодняшней истории это не имеет никакого значения.

Пустой день на работе — пустой, как и её сердце. Но вот к вечеру что-то необычное витает в воздухе: это запах парфюма... Нет, скорее, смесь парфюма и кофеина, совсем рядом. Она это чувствует — чувствует его запах. Тот самый, от которого она так хотела избавиться.

Катя выходит в зал — и, о да, это он. Он ушёл с работы пораньше, убегая от своих мыслей, прошёл четыре квартала и зашёл сюда, случайно, просто выпить кофе. Она в смятении:

— Этого не может быть! Он же не мог связать всё воедино и найти меня!? Может, шёл мимо и узнал меня? Нет, сейчас я выгляжу как человек, он не мог узнать меня. И всё же — он тут.

Пока Катя размышляла об этом, на её лице засияла улыбка — не та рисованная, к которой все здесь уже привыкли, а настоящая, живой эмоциональный отклик.

— Я рада? Почему я рада? Держись, держись...

Пока наша героиня прячется. Боже, прячется от человека! Не суккуб, а позорище. Но кто я такой, чтобы её винить.

Пока она прячется, её более молодая коллега — не по аду, а по кофейне — направляется к Роману:

— Добрый день.

— Добрый, — перебил он. — Вы очень похожи на одну мою знакомую, разве что моложе.

— Ахах, это какой-то новый подкат?

— Нет, ни в коем случае. Просто и вправду похожи.

Роман был растерян: новая бариста была точь-в-точь как Катя, но чуть моложе. Тот же стиль, те же милые, наивные глаза зелёного цвета. Разве что глаза и выдавали — это подделка, линзы, не более.

Катя, видя, что Роман сейчас осматривает её, выдохнула, немного собрала свою растерянность и, сменив улыбку на привычную холодную, вышла к нему.

— Добрый день.

— Добрый.

— Что желаете?

— Кофе, чёрный.

— Может, поможете мне сузить поиск? Видов кофе у нас немало, и, если подумать, он весь чёрный.

— Американо, если можно, то с перцем.

— Будет сделано, молодой человек. Воплотим любое ваше желание.

Она усмехнулась и принялась за дело. Он следит за ней — за её грацией кошки, потягивающейся на солнце. Её движения похожи на танец, танец страсти. Есть такой сорт существ: любое своё действие они превращают в театральное представление, и Катя была отличной демонстрацией этого эффекта.

— Ваш кофе.

— Спасибо.

Он садится за столик, она выходит на кухню, и — через кухню — выбегает покурить.

Быстро допив кофе, он закидывается парой таблеток: теперь ещё эта бариста. Что-то с ней не так? Или всё-таки с ним? Стоп, глаза! Её глаза — они как две капли воды, как те, что застряли в его памяти. В спешке Роман срывается с места и спешит закопаться в рутине. Выйдя из кофейни, он видит её в проулке. Ноги сами ведут его туда, где воздух пропитан горечью сигарет и сладким запахом её духов.

Он подходит к ней и аккуратным движением поворачивает её за руку, так что она оказывается спиной к стене, а он — перед ней.

— Это же ты. Точно ты? Что за чёртов маскарад? «Чёртов» — уловила? — Он слегка смеётся над своей неуклюжей шуткой, пытаясь подавить истинные эмоции.

— Оскорбление? Значит, так ты заводишь разговор с девушкой? Мужики нынче совсем не рыцари.

Взмах руки — и пощёчина. Не сильная, просто показать, что она недовольна. Но за громом удара следует гроза эмоций в его сердце. Он не отступит — не в этот раз. Хватает её за обе руки, поднимает их над её головой, прижимая к стене.

Её бездонные глаза смотрят на него ещё секунду, и порыв страсти — её губы замыкаются на его губах. Страсть кипит, поднимается до жерла вулкана, готова залить и сжечь всё, что когда-то её окружало. Она закидывает правую ногу за него и прижимает к себе, оказывая его в западне между своим телом и стеной. Он свободной рукой хватает её за бедро, сжимает так сильно, будто боится потерять навсегда. Ещё один рывок — обе её ноги на нём, она сжимает его, как удав свою добычу. Она немного откидывает голову, давая ему возможность впиться губами в её тонкую шею. Роман прижимает её к стене чуть сильнее, постепенно поднимая руку выше — и вот его рука на её шортах, и сквозь миллиметры ткани он чувствует её жар.

Её прекрасные изгибы лежат в его руках, как будто раньше это было единое целое, а потом было разделено на века и теперь стремится воссоединиться. Она желает пустить его ближе. Щелчок пальцев — и её нижнее бельё растворяется, его пальцы впиваются в нежную кожу демона. Пожар пылает в их сердцах; огонь практически готов сжечь всё сущее. Но, что ж, чудес не бывает — она не может позволить себе этого. Она отталкивает его. Он в недоумении:

— Что... что случилось?

— Ничего. Что ты вообще себе позволяешь? Может, сначала пригласишь меня куда-нибудь?

— Хорошо. Изви... извини. Хочешь завтра в парке? Меня тащат туда друзья, но я не очень хочу, честно, бывать в таких местах. Разве что с тобой. Увидимся там?

— Что? Ужас, тебе что, пять лет — парк... Я подумаю.

С этими словами она уходит обратно в кофейню, оставляя его офигевать от происходящего.

На самом деле она, конечно же, хотела бы остаться здесь, где эмоциональный поток волной за волной разрушает их, оголяя сердца. Но она не может позволить себе поддаваться этим порывам. Но и сопротивляться не может. Ей нужен план. Что ж, теперь на него есть время.

Парк культуры, отдыха, и не только

Очередной день — для неё и для него.

Он пытается забыть её: забыть тепло её бёдер, вкус её губ.

Она больше не чувствует себя не в своей тарелке — всё вроде бы вернулось в привычное русло, и хладнокровие снова становится её главной чертой.

Проходят дни, и вот — выходные. Даже демонам нужен отдых: Катю неожиданно тянет на аттракционы, особенно на американские горки. Это именно то, что ей сейчас нужно.

Он планировал эти выходные посвятить работе. Мир вокруг продолжает разваливаться, уже ничего особенно не интересует, — просто усталость. Но, видя его состояние, друзья решают вытащить Романа в парк аттракционов: "Будет весело!" — уговаривали они, и не приняли возражений.

Вот он уже в парке и неоднократно успел убедиться, что эта идея была ошибкой. Тем не менее, он продолжает там находиться.

"Надо где-то спрятаться," — подумал он.

Вот идеальное место — американские горки. Удалось выстоять в очереди и почти занять последнюю двухместную кабинку — можно будет прокатиться одному! Уже нет желающих, через секунду поезд поедет.

— Подождите! — раздался знакомый и слишком приятный голос.

— Я тоже поеду. Как раз одно место.

Это она. И правда, снова она — как такое возможно? На ней топик и длинная юбка с глубоким разрезом; наряд, как всегда, безупречен, а сама Катя красива, как ночное звёздное небо.

Конечно, это не случайность — она выследила его, хотя по виду и не подаёт виду.

— О, привет.

— Что? Прости, в смысле "привет"? Ты же сама говорила, что не ребёнок, чтобы идти на аттракционы.

— Замолчи, дай отдохнуть.

Поезд тронулся и начал медленно подниматься вверх.

— В смысле "замолчи"? Какого чёрта происходит? Я… Я без ума от тебя, я всё это время думал о тебе, сходил с ума!

— Это твои проблемы. Ты не без ума от меня. Ты выдумал кого-то другого — явно не меня — и вбил этот образ себе в голову. Без ума ты по ней, а не по мне. Либо ты сейчас замолчишь, либо я за себя не отвечаю.

— Что? Да как ты можешь…

— Окей, я предупреждала.

С этими словами она берёт его руку и зажимает своими бёдрами, а свободной рукой запускает ему в волосы и мягко сжимает.

В этот момент вагон совершает первый рывок вниз — от неожиданности Роман сильно сжимает её бедро, а она — его волосы ещё крепче. Она резко выдыхает:

— Не так резко, ковбой! Поаккуратнее, а то синяки оставишь.

Её шутка и улыбка не находят отклика в нём — он потерян в своих мыслях: "Что я вообще делаю? Она играет со мной… Я должен что-то предпринять? О чём я вообще думаю... В эту игру могут играть двое".

Он ведёт руку выше по её бедру, ждёт, что она остановит — но она лишь на мгновение перехватывает его пальцы, словно для приличия, и тут же отпускает. Вагонетки резко взмывают вверх, как и его рука — она уже там, где должен быть запрет. Он ловит её взгляд, горит в нём, чувствует, как сердце бьётся быстрее.

Катя едва заметно проводит пальцем по его руке — задаёт ритм. Он улавливает, повторяет, добавляет напор. Её всхлип — сигнал, она ведёт, он следует. Резкий спуск — на адреналине сильнее сжимает бедро, она стонет, вцепляется в его руку, ногти оставляют следы. Мгновение неуверенности — вдруг перебор? Но Катя хватает его за шею, тянет к себе, хочет поцеловать, но ремни не дают.

Он видит её глаза — там огонь, азарт. Она пытается взять контроль, но сейчас он ведёт. Меняет темп, сильнее давит. Вытаскивает руку, медленно облизывает пальцы на её глазах, снова тянется под юбку — на этот раз под трусики. Она горячая и влажная. Его пальцы двигаются быстрее, чуть глубже. Катя прижимается всем телом, цепляется в спину, дышит сбивчиво.

Он ускоряет движения, смещает её трусики, проникает туда, куда она хочет.

Он смотрит ей в глаза, она — в его. Держится сколько может, но вот вагонетка взмывает на очередной пик — и вместе с ним накрывает её и пик наслаждения. С тонким, сдавленным стоном она обмякает, расслабленно вешаясь на ремнях — ровно в тот момент, когда вагончик подкатывает к выходу.

— Дамы и господа, ваши фото можно получить у нашего фотографа! — звучит голос из динамиков.

— Фото?! — одновременно вырывается у обоих, и они переглядываются.

— Простите, мне не нужно фото, я спешу! — наспех бросает Роман.

— Стой, козёл! — Катя замирает, но тут же передумывает. — Хотя ладно, ещё раз прокачусь, остыну. Мы не закончили — ещё сегодня встретимся.

С ней всё было в порядке. Хотя ему казалось, что в этой игре он одержал победу, на самом деле игра только начиналась. Для Кати же и вовсе всё пошло не по плану. Опять.

Ещё один круг — свежий воздух охлаждает мысли, встречный ветер выдувает остатки мусора из головы. После аттракциона Катя спешит в будуар — немного поиграть с внешностью. По дороге она собирает на себе большинство мужских взглядов — всему виной этот устойчивый, горький и манящий запах разврата. Но сегодня она не ищет ни компании, ни приключений: у неё есть цель, и эта цель вот-вот исчезнет из поля зрения.

Выйдя из будуара, она, как всегда, безупречна, но теперь особенно необычна: зелёные туфли на платформе с завязками до колен, плотное платье в зелёно-красную клетку с большим зелёным бантом на поясе, септум и чокер. Платье заканчивается широкой юбкой, чуть прикрывающей трусики, а глубокое декольте превращает весь наряд в очередное оружие. Неизменно прекрасные малахитовые глаза — взгляд, будто обещание новой игры, привычно раздевает и обещает многое.

В отличие от утренней элегантности, теперь Катя скорее напоминает работницу древней профессии — хоть все взгляды по-прежнему устремлены только на неё. Это утомляет; она даже на миг ловит лёгкий дискомфорт, но тут же отбрасывает эти ощущения. Хватит этих игр в человека.

Вскоре она находит Романа у тира. Катя берёт игрушечный водяной пистолет, прицеливается — и выстрел. То ли случайность, то ли нет, но пистолет оказывается сломанным: капли сыплются дождём на её шею и грудь, стекают, исчезая в складках платья. Она, немного пригибаясь, вытирает грудь футболкой Романа — с театральным изгибом и глубоким вздохом.

Роман с трудом сдерживает эмоции. Гораздо хуже обстоят дела у управляющего тиром — тот почти теряет сознание: вся его кровь, кажется, ушла вниз за считаные секунды. Катя отмечает этот эффект, улыбается ему дерзко, нежно, с едва заметной насмешкой — мол, подобных ей ему больше не встретить.

Как жаль: иногда одного взгляда вполне достаточно, чтобы чья-то жизнь свернула совсем не туда. Такой вот, увы, реальный взрослый мир — кто-то хочет одного, а живёт с другим.

И, как тот, кто повидал многое, скажу вам: подобной магией обладают и вполне земные женщины. Не надо считать каждую роковую даму суккубом — просто умейте держать свои желания в узде.

Так, я отвлёкся... Что там было дальше?

Вернёмся к нашим героям. Сегодня парк развлечений выглядит словно декорация из другого мира — и всё из-за этой неповторимой пары: девушки невиданной красоты и парня, будто вырезанного из нуарного романа — тихого, мрачного, холодного. Светильники, замаскированные под старинные газовые фонари, мерцают, как звёзды. В воздухе — аромат сладкой ваты и жареного мяса. Пара идёт по центральной аллее, в поисках подходящего укромного местечка; каждый шаг для них — движение в неизвестность.

Вот и идеальный вариант: зеркальный лабиринт. По тишине ясно — он почти пуст. Они входят, сначала держатся друг за друга, но... чёрт, вы же просто молодая пара — отпуститесь и расслабьтесь! Будто мысли Лукиана дошли и до них: выдохнули, посмотрели друг на друга — и рассмеялись, разбежались, потеряли и снова нашли друг друга.

В какой-то момент Роман находит Катю в углу, окружённый её отражениями. Не сдерживается — тянется, чтобы поцеловать. Она поддаётся провокации, их губы сцепляются нежной, мягкой хваткой, а языки переплетаются, словно пара змей. Этот поцелуй менее страстный, чем предыдущие, но куда глубже и эмоциональнее. Они прижимаются друг к другу, границы реальности стираются, и кажется — вот-вот станут одним целым.

Роман шепчет:

— Я завидую своему отражению.

— Что?! — Катя чуть отстраняется, удивлённая.

— Я не хочу делиться с ним частичкой тебя. Хочу быть каждой своей копией и целовать тебя лично в каждом уголке этого мира. Хотя, если честно, я не очень люблю своё отражение… Иногда мне кажется, что по ту сторону — вовсе не я, а кто-то другой.

— Хмм, ты такой странный. Иногда это забавно, но чаще — раздражает. Ха!

С этими словами Катя засмеялась и побежала по зеркальному коридору, бросив что-то в сторону кавалера. Роман поднял свалившийся на пол предмет — сперва не понял, что это, а потом сообразил: конечно, её трусики. Очень смешно.

Я бы хотел рассказать, чем закончилась эта провокация, и могу сказать: ничем. К сожалению, как раз зашли другие посетители, и парочке пришлось ретироваться, смеясь. Адреналин и окситоцин мгновенно взорвались в мозгу — такие приятные и легкодоступные наркотики. Как же это прекрасно!

Выбежав из лабиринта, наши герои оказываются у карусели. Они сели на лошадей — и Катя тут же захохотала, как будто теряя равновесие. Она ловко задирает платье так, что не оголяет ничего лишнего, но вполне достаточно, чтобы у окружающих случился сердечный приступ, — и снова смеётся.

Наконец, она останавливает карусель, и пара оказывается прямо в центре, где никого нет. Катя спешивается и подходит к своему кавалеру, шагая в такт дыханию. Их дыхание синхронно становится тяжелее, когда она подходит совсем близко. Роман спускается к ней, её руки замыкаются на его шее.

Но не дайте себя обмануть: помните, о ком идёт речь. Всё это — ничего общего с настоящими человеческими эмоциями. Её нежные руки на его шее — скорее петля для смертника, петля, с каждым мгновением сжимающаяся всё туже и выдавливающая остатки жизни из своей жертвы.

Вот она даёт ему возможность слегка запустить руки под платье — но дальше не позволяет, не подпускает к настоящей цели.

— Я немного выдохлась. Может, поужинаем? Всё-таки ты так меня и не угостил.

— Да, конечно! Пойдём. Ресторан или у тебя есть какие-то предпочтения?

— Есть предложение не выпендриваться, мы же в парке! По фастфуду?

— По фастфуду!

Время стремится к нулю. Гамбургеры — лучший завершающий аккорд этого вечера.

Они сидят, молча глядя друг на друга. Сейчас слова не нужны: ему важна её компания, ей — победа, месть. Уже столько попыток и ни одной удачи… Катя наконец решается довести свою игру до финала.

— Я бы могла продолжить отдыхать... Может, поедем ко мне?

— Да, конечно! Го!

Для него не важен подтекст — главное, что есть шанс остаться с ней дольше.

Такси, несколько минут в пути. Она держит его за руку, он смотрит на её чудесную улыбку. Ночь только начинается — впереди самое интересное.

Голая философия и психология

Вот она — у него. Обычная квартира социопата. Она уже бывала здесь, но тогда было темно. Теперь всё видно: отражение его души читается в каждой вещи, в каждой картине, на полках с книгами.

— Виски? Вина?

— Виски со льдом. Можно я переоденусь?

— Да. А у тебя есть с собой одежда?

— Нет, но я присмотрела вот ту оверсайз-футболку, если можно.

— Конечно, бери.

Катя уходит в ванную, возвращается в его футболке — она лишь слегка прикрывает верхнюю часть её бёдер, а капельки пота придают особый блеск коже.

Ещё раз осматривает комнату. Просторная гостиная, она же, судя по всему, спальня; дешёвые постеры с героями мультфильмов соседствуют с сюрреалистическими копиями европейских полотен. Книги — философия, научпоп, мистика: классический набор психопата, не иначе.

Вот же эти замкнутые в собственном мире существа — так и не понимают, что нормальный человек, вообще-то, открыт ко всему. Всегда это поражало.

(Извините. Отвлёкся, задело за личное.)

Роман наливает ей виски, себе — бокал вина. Они обсуждают искусство, музыку, кино. Сидят на кровати рядом, на столе пустые бокалы, свет приглушён.

Суккуб говорит и говорит — это её оружие и щит одновременно. Когда говоришь ты, значит, не слушаешь, а значит, не поддаёшься влиянию.

Он постепенно теряет голову от её голоса, цвета глаз, запаха волос. Вот он — этот самый момент: момент слабости, за который она и цепляется.

Лёгким движением Катя садится к нему на колени, лицом к нему, опираясь руками назад на его колени. Она чуть выдвигает грудь вперёд и пристально смотрит ему в глаза.

Он немного теряется: ещё мгновение назад в мыслях были их общие интересы, теперь его сознание постепенно смещается — туда, куда нужно Кате. Она легко, почти отблеском движения, снимает с себя футболку. Прекрасная грудь сбивает его с толку, и она, воспользовавшись секундой замешательства, снимает футболку уже и с него, прижимаясь к нему всем телом. Сквозь джинсы Катя отлично чувствует, какие именно чувства она вызывает — ровно то, что ей и нужно.

И вот — поцелуй. Её поцелуй, как яд, разливается по его венам, сердце сбивается с ритма, и вся рациональность окончательно покидает Романа.

Он хватает её за талию и рывком переворачивает на кровать. Она, не слишком довольная, что оказалась внизу, кусает его за губу; её ногти впиваются в его спину — это только сильнее его заводит. С каждым новым царапанием он сжимает её бедро и чуть тянет за волосы. Катя откидывает голову назад, он целует её шею, ключицу, время от времени слегка прикусывая.

Она бёдрами трётся о его бока, опускает руки, расстёгивает его джинсы и начинает их стягивать.

Он опускается всё ниже, целует её грудь — она оказывается в его руках. Он массирует правую грудь одной рукой, одновременно целуя левую, проводя второй рукой всё ближе к трусикам по её бедру. Время от времени слегка прикусывает, и Катя тихо всхлипывает.

Вот она — абсолютная власть, вот он — редчайший случай триумфа. Но почему именно сейчас чувствуется только пустота.

— Стой, — Катя неожиданно останавливает его. — Я передумала… Но я пока просто полежу тут. Может, ещё передумаю.

— Эм… Хорошо. Знаешь, и так отлично, просто… Мне казалось, ты тоже этого хочешь.

— Нет, не хочу. Я же сказала.

— Погоди, это… не тот момент, когда девушка говорит «нет», потому что у неё патологическое желание, чтобы её брали силой? — неуверенно спрашивает Роман.

— Что? Нет! Это звучит обидно, теперь я точно не передумаю.

— Окей, окей, я не настаиваю! Просто… Мне кажется, тебя кто-то обидел, теперь ты всем мстишь. Это твоя цель, основное желание.

— У нас же уже был секс, ты была не против.

— Тогда я… не знаю. Я была не в себе. И вообще — мне не нравятся все эти твои нежности.

— Да, я так и подумал, когда ты кончила… какой, третий раз?

— Так! Я сказала, что это была ошибка. Всё, я уезжаю.

— Не злись на меня, просто… То, что сейчас было, ненормально. Я просто хочу тебя понять. Может, как-то помочь.

— Я не твои тупые программы, я не сломана, меня не надо чинить!

— Тогда почему ты так злишься? Я вроде этого не заслужил. Я тебе чем-то не нравлюсь? Дело во мне?

— Ты такой весь из себя хороший — бесит! Так, всё. Привет, я сука и стерва, понял? Вот такая я, у меня нет другого выбора быть другой, это всё. Что я вообще распинаюсь перед тобой? Чем я заслужила всё это, что ты на меня вылил? Вот это твоё — «обижена», «сломлена»… Откуда столько негатива?

— Что? Я не хотел тебя обидеть. Ты... серьёзно важна мне, и я просто хочу помочь тебе.

— Я что, сказала, что мне нужна помощь? У меня табличка на спине «помоги мне»? Вроде нет. Так что просто свали. А точнее — я свалю. Поговорим, когда ты не будешь таким козлом.

Катя спешно идёт к двери подбирая свои вещи без остановки.

Щелчок замка, хлопок двери — и её уже нет.. А он остался. Один. Опять в полной тишине и темноте — в темноте собственной души.

— Стера, стало быть... Вот такая она. Что за глупости? У всех ведь есть выбор, каким быть — главное желание. Наверное, всё-таки я виноват в ситуации... Надо было быть учтивее. Идиот. Ненавижу себя. Ненавижу... Мне казалось, ей нравится, когда с ней жёстко. Но сам я — не такой. Сам себя таким ненавижу...

Я просто устал. Горы. Поеду в горы, мне нужен воздух и спокойствие. Или, может, нам обоим стоит отдохнуть вдали от всего. Зайду на днях к ней в кофейню, приглашу с собой — вдруг согласится. Главное — не быть таким мудаком.

Роман в гордом одиночестве, утопая в самоистязаниях, допил бутылку вина и отправился спать. Он действительно решил взять её с собой.

Всего лишь поездка

Роман всегда предпочитал приходить заранее. Неспешно вошёл на вокзал, отметил глазами номер вагона, несколько раз проверил билеты, привычным движением закинул чемодан на верхнюю полку.

Придёт ли она? Он ведь просто скинул ей билеты — и она сказала «да». Всё случилось так спонтанно: толком даже не обсуждали, не строили планов.

В вагоне уже начинало ощущаться тревожное томление: кто-то спешил найти своё место, кто-то суетился с багажом, кто-то прощался с провожающими у двери. Роман достал телефон и поспешил подтвердить своей спутнице, что уже на месте.

Интересное слово — «спутница». Вроде бы всё ясно, а если взглянуть шире — в масштабах вселенной спутники всегда рядом, никогда не уходят, но и никогда не становятся ближе: вечная игра небесных тел в близость в этом холодном мире.

Прошу прощения, отвлёкся, снова. Продолжим.

Прошло пять минут, потом ещё пять. Роман вышел на платформу, осмотрел всё, что было видно с его позиции. Она не появилась — ни на платформе, ни в проходе. Он поймал себя на раздражении, смешанном с беспокойством. Причём злость, как обычно, была обращена внутрь: «Надо было заехать за ней».

Всё хорошо, надо просто её набрать.

— Ты далеко? Тут уже вскоре посадка заканчивается.

В ответ — то самое, всегда чуть дерзкое спокойствие:

— Не волнуйся, я лучше тебя город знаю. Всё будет по расписанию, не опоздаю.

Опять эта её манера — хозяйки жизни: лёгкая, уверенная, будто ей на самом деле всё по плечу.

Минуты тянулись мучительно долго. Время словно замирало, но одновременно неумолимо убегало. Роман то проверял экран телефона, то выглядывал на платформу, надеясь увидеть её фигуру в толпе.

Ещё через десять минут, когда диспетчер уже объявил о скором отправлении, телефон зазвонил.

— Прости, знаю: сейчас ты будешь ругаться, — в голосе появилась неожиданная виноватость. — Но я всё-таки задержалась. Уже нашла выход: если что — сяду на следующий поезд, догоню тебя там. Не скучай.

В конце голос снова стал привычно дерзким.

Он устало рассмеялся, а внутри у него что-то предательски сжалось: вот они, последствия хаоса в спокойной, казалось бы, реальности. Всё стало каким-то тяжёлым и серым, даже дышать на секунду было труднее. Он медленно вдохнул, выдохнул, стараясь отогнать лишние мысли.

Ну да, она опаздывает, но ведь всё равно спешит к нему, значит, будет рядом. На душе чуть полегчало — настроение словно выправилось, как после дождя, когда из-за туч показывается солнце.

— Давай, лети на крыльях любви, увидимся на месте, — попытался скрыть свою грусть за грубой шуткой, но она уже, кажется, не слушает…

Поезд тронулся. За окнами проплывала унылая платформа, потемневшие стёкла, редкие силуэты прохожих. Отъезд в одиночестве придал путешествию странный, кисловато-острый привкус разочарования, но и надежды, что всё ещё можно исправить в дороге.

Он прислушивался к стуку колёс и даже не сразу понял, что кто-то тихо стучит в дверь купе.

Роман медленно подошёл и открыл — и тут же его внутренние тучи были разогнаны: свет озарил целый мир, уже успевший было промокнуть и потерять краски. За дверью стояла она, тяжело дыша после спешки, с чуть растрёпанными волосами. На щеках — холодный румянец.

— Ты всё-таки успела! — голос прозвучал с таким облегчением и радостью, что он даже не пытался это скрыть.

Катя с вызовом усмехнулась, меняя сумку с плеча на плечо:

— Я же говорила, что успею!

На секунду задержала на нём взгляд и добавила чуть тише, почти насмешливо:

— Ты мне не доверяешь? Я сказала, что буду — значит, буду.

В этот момент она щёлкнула пальцами — порывисто и вызывающе, подчёркивая свою уверенность. Между её пальцами и металлической ручкой двери неожиданно проскочила маленькая искра: раздался едва слышный треск, короткая вспышка синего света.

Катя вздрогнула, инстинктивно отшатнулась от двери.

— Ой... — виновато глянула на Романа, чуть пожала плечами, словно оправдываясь за неуклюжесть. — Прости, это... иногда случается.

— Да, статическое электричество. Бытовая магия, ха, — попытался перевести в шутку Роман.

На лице Кати на миг мелькнуло смущение, но уже через секунду она снова приняла уверенно-равнодушное выражение, будто ничего существенного не произошло.

Роман, слегка озадаченный этим происшествием, только улыбнулся краешком губ. Всё равно не смог сдержать:

— Я очень рад, что ты здесь.

Катя заняла место напротив, коротко улыбнулась и ещё несколько раз встряхнула пальцами — будто стряхивала остатки электричества. Этот крошечный, почти магический для неё момент быстро затерялся в суете поезда, но между ними осталась невидимая искра — электрический след и предчувствие чего-то неожиданного.

Поезд мягко тронулся, растворяя за оконным стеклом последние станционные огни. Вдруг вагон словно отделился от всего мира, заключая их вдвоём в отдельную реальность. Роман заранее выкупил всё купе, надеясь на уединение, — и теперь это решение казалось ему одновременно мучительно правильным и неправильно рискованным.

Они сидели друг напротив друга, уткнувшись в гаджеты — словно прятались за экранами и кнопками от невыносимо густой, плотной тишины. Воздух между ними был напряжён: не затхлый, а густой какой-то ненормальной, почти физической энергией, которая нарастала и пульсировала. Даже удары колёс будто отдавались внутри — становясь эхом сердца каждого из них.

Роман чувствовал себя странно: его разум бил тревогу — «зачем ты всё это придумал, зачем она здесь?» — но тело отказывалось слушать мозг. Лёгкая лихорадка вдруг стала ответом на все вопросы. Пусть ум твердит, что всё это ошибка, но сердце не обманешь: оно видело то, что могло бы быть, и с каждым украденным взглядом, ловко вырванным друг у друга из-под ресниц, убеждалось в правильности происходящего.

На секунду их глаза встречались — и он будто проваливался в омут, плотный от непроговорённых желаний.

Она держалась настороженно, даже хищно: уговаривала себя, что всё это — просто его игра, проверка её границ, расставленных ловушек. Но стоило Роману взглянуть на неё с такой нежностью, что внутри всё сжималось в странное, пульсирующее напряжение, ей внезапно хотелось ответить мягко, осторожно, а не так, как привыкла — инстинктивно.

В её природе было искать желание во взгляде и прикосновениях, играючи брать то, чего хочется. Но этот мужчина почему-то пробуждал в ней иное — тревожную тоску по простой заботе и принятию.

Иногда она невзначай проводила пальцем по бедру, то поправляла прядь волос, напряжённо прислушиваясь к его коротким, чуть сбивчивым вдохам. Каждое её движение Роман ловил взглядом, не упуская ни малейшей детали. Лёгкое трение ноги о ногу под столом, смена позы, едва заметная улыбка — всё это становилось обострённым в затяжных паузах. Между ними не было слов, но именно здесь, в этих паузах, рождалась настоящая близость.

— Не холодно? — наконец нарушила она молчание, придвигаясь чуть ближе. И сразу почувствовала, как изменилось его дыхание.

— Пока рядом ты, — тихо ответил он, не узнавая собственного голоса, — мне всегда тепло.

На несколько секунд её ладонь легла на его руку — жест был жёстким и в то же время робким. Его пальцы медленно, будто вопреки воле, начали обнимать её кисть. Она почти не сопротивлялась, только чуть сжала его ладонь — и этот молчаливый контакт наполнил пространство жаром.

Внутри у Романа бушевал шторм. Он хотел прижать её к себе — почувствовать не только запах кожи, но и ту цепкую силу, что таилась в каждом её взгляде. Но разум тихо твердил тревожное: «Если позволишь себе лишнее — потеряешь всё. Она не для тебя. Она вообще не могла принадлежать никому». И именно это — невозможность, вместе с желанием — сводило его с ума.

Она тоже чувствовала, как с каждой минутой её собственный конфликт только усиливается: раздражение боролось с тягой, страх — с нуждой. Она знала, каким взглядом смотрят на неё мужчины, как быстро в них возникает животное желание. С Романом всё было иначе — он молчал, его желание не билось наружу, а жило в глубине глаз и осторожных жестах. От этого ей становилось страшно-сладко. Она не хотела быть «мясом» для него, не хотела раствориться в старом привычном шаблоне. Его нежность ломала её выработанный защитный образ — и в этом было что-то тревожное, опасное, трепетное.

Пока поезд укачивал, их ноги иногда невзначай касались друг друга, словно кто-то невидимый постепенно сдвигал их миры ближе. Роман сдерживал себя, лишь изредка позволяя украдкой взглянуть на тонкую линию её ключицы, на лёгкое движение губ — и тут же отводил взгляд, прячась в телефон, будто занят важными делами.

— Интересно, — вдруг произнесла она, опуская голову чуть ниже и протягивая слова голосом, похожим на мягкое мурлыканье, — долго нам ещё ехать?

— Вся ночь впереди, — он улыбнулся.

Она медленно выпрямилась, её локоть скользнул по его руке, почти обжигая. На миг их взгляды встретились так близко, что дыхание обоих смешалось и словно вспыхнуло молнией изнутри. Купе наполнилось сладким напряжением, как запахом озона после грозы. Катя чуть прикусила губу и отвернулась к окну, виня себя за то, что даже этого короткого контакта оказалось слишком много.

Ближе к ночи, под серебряным светом луны и плавным раскачиванием вагона, купе стало казаться ещё теснее и пропитанным невысказанными желаниями. Они почти не спали, прислушиваясь к стуку колёс и своим мыслям — тревожным, пульсирующим, мучительным, но вместе с тем сладким в этой приглушённой тени.

Он хотел сказать ей что-то важное — нечто, что могло бы дать ощущение близости, но любые слова казались слишком громоздкими для этого воздуха, насыщенного едва улавливаемой чувственностью. Кате было не легче: внутри боролось желание быть сильной и уязвимой, тоска по близости и страх открыться, наконец выпустив наружу то, что было так долго спрятано.

До самого рассвета они оставались в этом шатком равновесии — между сдержанностью и страстью, между нежностью и неуверенностью, между порывом раскрыть душу и невозможностью договорить до конца.

Стук поезда убаюкивал, уводя в сон, а пережитое за ночь сулило красивые сны.

Наконец — утро. Победа это или поражение? Кто здесь выигрывает, а кто — нет? Мы не будем рассуждать. Поезд подъезжает к нужной остановке. Утро, как всегда, приглушает страсть, всё становится слегка легче. Собрались, взяли кофе и вышли на холодный перрон.

По перрону гуляет морской бриз: даже зимой он манит, как миг надежды, несмотря на пронизывающую свежесть. Но их путь лежит дальше — туда, где их ждёт сказка, дорога в объятия Снежной королевы.

Такси плавно катится по улицам города, салон залит золотом утреннего солнца. За окнами — зелёные деревья, аккуратные домики, вода сверкает в лучах. Между ними почти не было слов: только ощущение новой, действительно чистой страницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.